

Российская специфика дифференциации доходов в госсекторе: работающие бедные

Долматова Стелла Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник ИЭ РАН
stelladol@rambler.ru

Ключевые слова: дифференциация доходов, государственный сектор, государственный бюджет, трудовой потенциал, специалисты, образование, рынок труда

Keywords: income differentiation, the public sector, the state budget, labor potential, specialists, education, labor market

Весь период постсоветской рыночной трансформации характеризуется резким социальным расслоением. В то же время, если в начале реформ пропагандировалось, что страна стоит на пороге формирования массового среднего класса в связи с переходом к демократии и социальному рыночному хозяйству, и говорилось с самых высоких трибун о поляризации российского общества как временной проблеме, вызванной трансформационным кризисом, то спустя 25 лет можно констатировать определенную устойчивость данного «временного» явления. Следует отметить, что и данные официальной статистики, и многочисленные социологические опросы, и экспертные оценки свидетельствуют о значительной дифференциации населения по размерам доходов, накопленному богатству, доступу к общественным благам. Подобное положение помимо гуманитарных аспектов невозможности реализации принципа социальной справедливости в современных экономических условиях ведет к распространению социальной сегментации и дальнейшему усилению негативных тенденций на рынке труда в связи, в том числе со снижением трудовой мотивации.

Характерно, что и в шоковые 90-е годы, и после некоторого ожив-

ления экономики в результате деятельности правительства Примакова—Маслюкова и восстановительного роста 2000-х годов, и после преодоления последствий глобального кризиса 2008 года, вследствие улучшения экономической конъюнктуры, и в настоящее время постсанкционной «новой нормальности», отмеченной бывшим министром экономического развития Улюкаевым, данная проблема воспринимается как данность, неизменно сохраняет свою остроту.

Согласно известной гипотезе Саймона Кузнецца, показавшего связь экономического роста и неравенства распределения доходов, — по мере экономического роста, до определенного предела неравенство увеличивается, а затем уменьшается, что демонстрируется «обратной U-образной кривой», — можно было бы ожидать сглаживания неравенства в постсоветской России, уповая на рост экономики. Однако общеизвестно, что резкое социальное расслоение в нашей стране произошло на фоне значительного спада и по мере восстановительного роста не только не уменьшалось, но и увеличилось, хотя и не столь значительно, как в начале рыночных преобразований. Как представляется, гипотеза Кузнецца не нашла подтверждения в российских условиях

в связи с нерыночным характером перераспределения собственности в ходе процесса приватизации, придавшего мощный импульс дифференциации доходов. В частности, по данным Росстата, если в 1992 году коэффициент фондов (показатель социальной дифференциации) составил 8 раз, то в 1993 — 11,2, в 1994 — 15,1 [6, с. 130]. На этом уровне произошла относительная стабилизация, в период после кризиса 2008 года официальная статистика устойчиво показывает соотношение между средним уровнем дохода нижнего и верхнего квинтиля — в 16 раз [7, с. 109], что сопоставимо с латиноамериканским типом неравенства. Особый регион в Российской Федерации — Москва, где подобный разрыв в доходах по экспертным оценкам составляет от 40 до 100 раз.

Даже в преддверие глобального финансового кризиса стремительный рост миллиардеров и миллионеров трактовался приближенными к властным структурам экспертами всего лишь как процесс удорожания финансовых активов в связи с ростом капитализации российских компаний в «тихой финансовой гавани» на фоне относительного роста доходов всего населения. Однако в постсанкционный период изменения конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей и падения российского фондового рынка, как и в кризисном 2008 году, данный весьма спорный аргумент не работает. Происходит ухудшение положения не только бедных слоев населения, но и представителей среднего класса, потерявшего значительные сбережения в ходе девальвации рубля, кроме того, реализация трудового потенциала специалистов в условиях деиндустриализации и гипертрофии финансового сектора весьма проблематична. В частности, вице-премьер правительства РФ О. Голодец была вынуждена признать, что стоимость рабочей силы в России недооценена и не соответствует

квалификации кадров, что «на уровне МРОТ у нас сегодня в России работает 4,9 млн человек. И сегодня минимальный уровень оплаты труда в России ниже, к сожалению, прожиточного минимума». Кроме того, она отметила, что «прибыль предприятий в 2015 году по сравнению с 2014 выросла на 76 %, при этом инвестиции в экономику в том же году сократились на 9 %. В 2016 году прибыль выросла еще на 23 %, а вложения в экономику сократились еще на 3 %» [12]. Следует отметить, что отмеченный рост прибыли происходит не в последнюю очередь за счет экономии на издержках по выплате заработной платы.

В рамках неолиберальной экономической парадигмы в нашей стране данная проблема не решается, к тому же российское государство фактически устранилось от процесса перераспределения личных доходов. Как отмечал С. М. Никитин еще накануне кризиса 2008 года, «в развитых странах показатель разрыва доходов на уровне окончательного распределения личных доходов по сравнению с первичным распределением резко сокращается (в США, например, с 15,7 до 5,5). В России из-за слабого государственного влияния на эту сферу, уравнительного характера подоходного налога (13 % для всех слоев населения) показатель разрыва личных доходов с учетом перераспределения близок к показателю разрыва на уровне первичного распределения» [3, с. 23]. Эта ситуация сохраняется, несмотря на ее очевидную абсурдность и вал критики со стороны научного сообщества, периодическое обращение внимания представителей властей к данной проблеме. Реальные действия по ее разрешению не предпринимается. Главным аргументом сторонников сохранения единого налога на доходы физических лиц являются опасения выхода в «тень» налогоплательщиков с высокими доходами

при введении прогрессивной шкалы. Однако и при сохранении плоской шкалы используются многочисленные варианты ухода от налогов, в том числе с помощью оффшорных схем, что не снимает с государства ответственности за обеспечение налоговых поступлений. К тому же играет немаловажную роль коррупционная составляющая, для искоренения которой необходим системный подход [2, с. 121–136].

В то же время российское государство, которое по конституции является социальным, не только не выполняет должным образом функцию регулятора распределительных процессов в частном секторе, но и воспроизводит аналогичную систему дифференциации доходов на предприятиях с государственной формой собственности, компаниях, получающих финансирование из госбюджета и внебюджетных фондов, связанных с государством. Более того, если в 90-е годы данный процесс связывался с рыночными механизмами, то в настоящее время структуры с госучастием, в частности госкорпорации, дают пример не только избыточной занятости, но и запредельных доходов топ-менеджеров, превышающих доходы рядовых работников в тысячи раз. Показательны выдержки из беседы депутата ГД В. Позднякова с министром финансов А. Силуановым перед вторым чтением федерального бюджета 2015 года, опубликованные на официальном сайте КПРФ. На вопрос депутата о неоправданно высоких заработках руководителей госкомпаний министр ответил, «что в противном случае эти люди уйдут в частный сектор». Однако Поздняков подчеркнул, «что именно топ-менеджеры госсектора зарабатывают больше, чем их коллеги в частном бизнесе, и отрыв продолжает расти» [5].

Примечательно, что подобное положение стало объектом критики не только депутатов-коммунистов, но и предста-

вителей бизнес-сообщества. Еще до последнего витка кризиса, в 2012 году, общероссийская общественная организация «Деловая Россия» выступила с предложением о приведении в соответствие зарплат работников госструктур. «Оклады и надбавки служащих всех госкорпораций и госкомпаний, в которых доля государства превышает 50 процентов, должны быть сопоставимыми с системой оплаты труда работников бюджетной сферы. То есть выплачиваться с учетом четких квалификационных критериев и категорий, а не расти с „потолка“» [1]. В то же время, несмотря на видимую форму заработной платы, можно утверждать о получении высшими управленцами предпринимательского дохода даже в тех случаях, когда отсутствует прибыль. Возникает закономерный вопрос, если представители гражданского общества, деловых кругов уже несколько лет бьют тревогу о нерациональном расходовании государственных средств, почему в условиях заявленной нехватки ресурсов на социально значимые проекты ответственные за финансовую дисциплину чиновники оставляют эту тему вне своего внимания? Хотя предыдущий глава Счетной палаты РФ С. Степашин отметил, что «проблема неэффективного освоения бюджетных средств и при этом получения сверхзарплат является общей для всех госкорпораций» [1], реальных шагов по исправлению данной ситуации не последовало.

В то же время показательно, что министр финансов, ратующий за жесткий контроль над бюджетом и выступающий в связи с кризисом за сокращение государственных расходов, прежде всего в социальной сфере, весьма лояльно относится к гигантским тратам в государственных или аффилированных с государством структурах, получающих финансирование из госказны. По логике Силуанова, тогда как раз необходимо по высшему разряду оплачивать труд

врачей, учителей, преподавателей вузов, научных работников, работников сферы культуры, которые иначе «уйдут в частный сектор», причем при полной или частичной потере квалификации. В таком случае общество в целом опустится на другой уровень развития, что реально и произошло, когда в 90-е годы специалисты из некогда передовых отраслей экономики были вынуждены массово переходить в «челноки» и «охранники». Единственная возможность сохранения занятости в качестве специалистов тогда оставалась только при переходе в категорию «работающие бедные» с существенной потерей в заработной плате и понижении социального статуса, и то в случае сохранения самих рабочих мест в условиях деиндустриализации и примитивизации экономики и социальной сферы.

Несмотря на некоторое улучшение положение занятых в социально значимых, но не «привилегированных» отраслях социальной сферы в так называемые тучные годы, рентные доходы, полученные государством в результате благоприятной конъюнктуры на мировом рынке в 2000-е годы, не были направлены на устранение сложившихся в 90-е годы диспропорций и комплексного решения проблемы работающих бедных. Кроме того, резкая девальвация рубля 2014 года и последующий всплеск инфляции отбросили реальные доходы большинства населения на более низкие уровни, пострадали в очередной раз «бюджетники», причем высшие управленцы, которые также имеют бюджетное финансирование, судя по уровню заработной плат, болезненно перенесли финансовые потрясения. По данным Росстата, за первое полугодие 2015 года при средней заработной плате по Российской Федерации 30 694 рублей, среднемесячная зарплата в Администрации Президента РФ составила 217 179 рублей, в Аппарате Правительства РФ — 231 757

рублей, несколько ниже в Совете Федерации и Государственной Думе, но, тем не менее, весомо — 173 933 и 136 975 рублей соответственно [10].

В то же время особую остроту приобрела проблема дифференциации доходов не только между привилегированными и непривилегированными бюджетниками, но и разрыв в зарплатах между управленцами и рядовыми работниками в рамках единых предприятий и организаций бюджетной сферы. Минтруд был вынужден признать, что для урегулирования данной ситуации необходимы меры законодательного характера. Как отметил министр М. Топилин, «были приняты решения о введении ограничений дифференциации заработной платы между руководителями и работниками федеральных государственных учреждений и предприятий. Согласно этим нормам, на федеральном уровне средняя заработная плата руководителей и работников организаций не должна превышать соотношения один к восьми. В регионах его устанавливают самостоятельно, как правило, на таком же уровне и ниже. По данным субъектов РФ, в большинстве государственных и муниципальных учреждений социальной сферы (здравоохранения, культуры, образования, социального обслуживания населения) соотношение средней заработной платы руководителей учреждений и средней заработной платы работников учреждений не превысило 4 раза» [8]. Однако для реального (а не на бумаге) ограничения дифференциации необходимо регулировать разрыв не между заработной платой руководителей и средней по учреждению, а между заработной платой высших управленцев и минимальной заработной платой рядового работника.

Тем не менее положительные сдвиги в этом направлении возможны, если будет решена проблема дифференциации не только на унитарных предприятиях

и в организациях, но и в госсекторе в целом, который может стать примером для снижения уровня социального расслоения в российском обществе. Кроме того, без повышения реальных, а не номинальных заработных плат (под предлогом постсанкционных вызовов для экономики) в госсекторе не происходит даже номинального роста заработков специалистов, и проблему работающих бедных не решить. Для прорыва в инновационном развитии и перехода к новой экономике необходимо выйти из ловушки неэффективной занятости. Характерно, что высшее чиновничество в России выстроило для себя систему льгот и привилегий не только не соответствующую современному демократическому обществу, но и обществу советского типа, развал которого осуществился под лозунгом борьбы с привилегиями. Обществу не предъявлено разумного обоснования автономной системы социальной защиты и пенсионного обеспечения высшей бюрократии и приравненным к ним лицам. Безусловно, лица, не работающие в горячем цеху или под землей с риском для жизни, или в суровых природно-климатических условиях, а занимающие высокостатусные позиции, не имеют морального права на особые компенсации по сравнению с другими категориями занятых. Однако чиновничество ориентируется исключительно на доходы и качество жизни представителей крупного бизнеса, предоставив большинству населения индивидуальные стратегии выживания с опорой на семью и ближний круг.

Таким образом, российское население, лишенное возможности влиять на процесс принятия решений исполнительной властью при фактическом отсутствии гражданского контроля и обратной связи, поставлено перед фактом реализации заведомо непопулярной политики. Без действенных институтов организации протестной активности как

инструментов воздействия на власть (отдельные социальные протесты, как например, против монетизации льгот, не меняют общей картины) население вынуждено использовать неформальные способы адаптации к асоциальной политике, в частности, неформальную занятость и другие варианты ухода в теневые отношения. В свою очередь, высшая бюрократия, помимо разветвленной системы льгот и привилегий, которая резко выделяется на фоне минимальной социальной поддержки населения, под предлогом борьбы с коррупцией и теневыми доходами нашла возможность обосновать резкое повышение своих доходов. Скепсис населения относительно наиболее удобного для чиновников способа противодействия коррупции понятен — по мере повышения зарплаты должностным лицам растет и «взяткоемкость». При этом существует острая необходимость повышать заработную плату в большинстве отраслей экономики, особенно образовании, науке, здравоохранении, и выравнивать заработную плату по регионам, чтобы не принуждать население к поиску криминальных заработков хотя бы для воспроизводства рабочей силы. Что касается высшего чиновничества, то нельзя не согласиться с мнением авторитетных юристов: «Совершенно очевидно, что достигнуть полного соответствия между уровнем оплаты труда чиновников и экономическим эквивалентом цены их полномочий невозможно в принципе. Сколько же нужно платить тому, кто является распорядителем бюджета страны или наделен правом приговаривать преступников к пожизненному лишению свободы?» [4, с. 34].

В то же время особую остроту приобрела проблема дифференциации доходов не только между привилегированными и непривилегированными бюджетниками, но и разрыв в зарплатах между управленцами и рядовыми

работниками в рамках единых предприятий и организаций бюджетной сферы. Если при упоминании высоких заработков в госкорпорациях находится формальный повод для их обоснования — обычно идет отсылка к тому, что нельзя вмешиваться в коммерческую деятельность акционерных обществ под предлогом, что весомую роль играют собственники-акционеры, которые принимают решения (хотя за государством должно оставаться право решающего голоса), то для обоснования непомерно высокого вознаграждения руководящих работников в государственных унитарных предприятиях нет даже таких формальных оснований. Тем не менее даже в самых недофинансированных бюджетных организациях находятся ресурсы для заработков руководства, многократно превышающих не только минимальный уровень оплаты труда, но и среднюю зарплату. Например, на основании приказа министра связи на ФГУПе «Почта России» зарплата гендиректора «Почты России» превышает 500 средних зарплат работников, его заместителя — 350, а главного бухгалтера — 150 средних зарплат, при средней зарплате почтового работника в 20 000 рублей в 2016 г. [11].

Согласно системе оплаты труда, введенной в нашей стране в 2008 году, появилась возможность все выделенные бюджетному учреждению деньги тратить с таким расчетом, чтобы был сформирован фонд экономии данного учреждения для поощрения сотрудников в виде стимулирующих надбавок и премий, что содержит непрозрачный механизм осуществления дополнительных выплат администрации и близких к ней лиц. Противопоставление администрации персоналу воспроизводится практически во всех бюджетных учреждениях, а средняя зарплата не отражает уровень заработных плат большинства работников, содержит значительные выплаты руководству на фоне минимальных выплат рядовым

сотрудникам. Характерно, что проправительственные эксперты считают, что положение на рынке труда относительно стабильное, главное в настоящее время — это выработка профессиональных стандартов, качественные характеристики которых еще предстоит оценить. В постсанкционный период Минэкономразвития предложило очень поверхностные меры, которые сводились к следующему: «В части повышения качества жизни и инвестиций в человеческий капитал запланирован комплекс мероприятий в следующих областях. В области образования с 2015 года будут проводиться региональные, национальные и отраслевые чемпионаты профессионального мастерства, всероссийские олимпиады и конкурсы по профессиям и специальностям среднего профессионального образования для повышения общественного престижа рабочих профессий и среднего профессионального образования» [9].

Несмотря на важность проведения олимпиад и конкурсов, необходимы системные меры по восстановлению непосредственной связи образования и занятости, отраслевой и пространственной структуры размещения трудовых ресурсов, адекватной потребностям инновационного развития, устранение диспропорций на рынке труда, повышение роли специалистов-инженеров. При реальной, а не на бумаге, реиндустриализации Россия неизбежно столкнется с проблемой нехватки кадров, решение которой не терпит отлагательств. Для адекватной современным вызовам модели экономики потребуются перестройка системы трудовых отношений, сложившейся в 90-е годы. В противном случае будет воспроизводиться классическое противостояние труда и капитала, разрешение противоречий между ними будет принимать формы, нежелательные для сохранения социально-политической стабильности и поступательного развития экономики.

Литература

1. Бизнес предлагает срезать зарплаты в госкомпаниях и госкорпорациях Российская газета 17 июля 2012 г. № 5834. <http://rg.ru/2012/07/16/zarpalati-site.html>
2. Долматова С. А. Императив реализации принципов социального государства и проблемы системной коррупции в постсанкционной России // Мир перемен. № 2. 2016.
3. Никитин С. Личные доходы населения (На примере развитых стран) // МЭ и МО. 2007. № 2. С. 23.
4. Основы противодействия коррупции / Под ред. С. В. Максимова. М., 2000.
5. Поздняков В. Г. Невиданная щедрость государства по отношению к руководителям госкомпаний приведет страну к краху. 2014–11–12. Пресс-служба депутата Государственной Думы В. Г. Позднякова
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2001.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2014.
8. Стенограмма выступления Министра труда и социальной защиты РФ Максима Топилина на заседании Комиссии по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития 7 мая 2015.
<http://www.rosmintrud.ru/social/social/251>
9. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017–2018 годов. Минэкономразвития России.
<http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fb93efc7-d9ad-4f63-8d5>
10. Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов в I полугодии 2015 года. Росстат.
http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d06/plat29.htm
11. Пятьсот почтальонов стоят одного. Ведомости, № 4207. 21.11.2016
<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/11/20/666204-pyatsot-pochtalonov>
12. Голодец: зарплаты в РФ не соответствуют уровню квалификации работников
<http://tass.ru/ekonomika/4052764>